

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Блюз Черного люка.....	7
Часть вторая. Жизнь на шельфе.....	329
Часть третья. Под давлением.....	553
Кода.....	703

Без рубежа, способного вдохнуть в человечество новую жизнь, исчезает дух, породивший прогрессивную гуманистическую культуру, которую представляла Америка в течение последних двух столетий. Речь идет не только о потере для одной нации — прогресс нуждается в авангарде, а никаких новых целей в поле зрения нет.

Создание новой границы, таким образом, представляет собой величайшую социальную потребность Америки и всего человечества...

Я считаю, что новым рубежом для человечества может стать только Марс.

Роберт Зубрин «Курс на Марс»

В отличие от героической и романтической геральдики, которая обычно используется для описания европейской колонизации Америки, эмблемой, наиболее соответствующей действительности, была бы пирамида из черепов.

Дэвид Э. Стэннارد «Американский холокост»

Воображаемый порядок всегда находится в опасности краха, потому что зависит от мифов, а мифы исчезают, как только люди перестают в них верить.

Юваль Ной Харари «SAPIENS. Краткая история человечества»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЛЮЗ ЧЕРНОГО ЛЮКА

Пробуждение обычно сопровождается сопутствующими ощущениями возбуждения, навязчивой сосредоточенности, стрессового напряжения и легкой тошноты. Эти условия являются неотъемлемой частью работы и должны рассматриваться как таковые. Ты разгорячен — привыкай.

(И еще одна неотъемлемая часть работы: условия, в которых ты просыпаешься, скорее всего, или катятся в задницу, или уже в ней оказались.)

«Блонд Вайсьютис»

Инструкция для оверрайдеров — с неформальными комментариями ветеранов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я вышел на бульвар Маринер ранним вечером. Где-то под Мембраной снова пытались вызвать дождь. С ограниченным успехом, я бы сказал. С небес цвета паприки периодически опускалась тонкая, холодная морось.

Я не следил за подробностями, был слишком занят. Слышал, за дело взялась какая-то недавно написанная подпрограмма, созданная при участии консультантов с самого передового края индустрии, закодированная, приготовленная и выпущенная где-то там, посреди огромных, перемещающихся облачных слоев, что согрели Долину. Должно быть, за всем этим стояла солидная маркетинговая поддержка, поскольку на улицах для середины недели торчала уйма народу. Когда начался дождь, весь город высыпал наружу, чтобы поглазеть. Всюду, куда ни посмотри, люди останавливались, вытягивали шеи и принимались тащить вверх.

Я же, наградив небеса хмурым взглядом, и не подумал тормозить. Напротив, не снижая скорости, принялся проталкиваться через запрудившие улицы толпы зевак и экогиков, обсуждающих всякую херню. Любому, кто намеревается промокнуть в этом дерьме, придется немного подождать. Под напористым соблазном маркетинга люди склонны забывать, что на Марсе ничего не падает быстро. Новый код или нет, эта попытка вызвать дождь не нарушит основные законы физики. Пока обещанная влага просто

кружила над головами, пренебрегая равнодушной гравитацией и в лучах умирающего света превращаясь в кроваво-красный туман.

Красивое зрелище, спору нет. Но у некоторых из нас еще и дела были.

Вокруг меня вырисовывался Бульвар — пятиэтажные фасады эпохи Поселения из древнего нанобетона иссечены шрамами, протоколы ремонта давно исчерпаны. Песок и штормовые ветра десятилетиями утюжили все неподвижные поверхности, и в наши дни те скорее смахивали на плоские коралловые рифы во время отлива, чем на нечто рукотворное. В свое время инженеры КОЛИН были одержимы идеей сбить все в кучу — они возводили строения по обе стороны от широкого канала, прорытого между голыми фундаментами, по обеим сторонам которого вздымались одинаковые строения. Этот канал, шестьдесят метров в ширину и три километра в длину, слегка изгибался, пользуясь геологией существующей линии разлома на поверхности Долины. Когда-то здесь располагались покрытые стеклянной крышей гидропонные сады и ухоженные места отдыха для первых колонистов. Парки, велодромы, пара небольших амфитеатров и спортивная площадка. Поговаривают, был даже бассейн, а то и три. С бесплатным доступом для всех.

Только представьте.

Теперь этой крыши давно нет, да и всего остального тоже. Разорвали, оторвали, унесли. Остался лишь потрепанный, заваленный мусором, просевший бульвар, забитый тележками и уличными лотками, владельцы которых боролись за привилегию продать толпе самый дешевый продукт. «Берите пока горячо, люди, берите сейчас!» Промышленные кодовые шипы со скидкой, безумные ювелирные украшения, брендированный марстех — подделанный

или ворованный по таким-то ценам, и фастфуд, много фастфуда, дымящегося на мириадах разнообразных сковородок и воков. На обочине отирались уличные химики, предлагающие «Двадцать особых способов в спешке покинуть сознание», а на углах стояли уличные мальчики и девочки, предлагающие более простой путь к такому же исходу. Пожалуй, вы могли бы возразить, что бульвар по-прежнему остался своего рода местом для отдыха. Но в наши дни его окутывает довольно изможденный и яркий дух веселья, такой, с каким не хочется пересекаться взглядами при встрече.

Те, кто, несмотря ни на что, намеревался догнать этого призрака, могли достичь дна с помощью длинных эскалаторных туннелей, грубо прорубленных прямо сквозь оригинальные постройки. Такие туннели находились в конце большинства поперечных улиц, там, где они возвращались к району эпохи Поселения, где с обеих сторон смыкались менее коренастые и герметичные здания, построенные для поколения, которое могло внезапно Оказаться Снаружи. Доходите до конца поперечной улицы — и обширный вдохновляющий размах Новой наружки резко сменяется мрачными, рваными задворками Старого Поселения. Ступаете на эскалатор, лежащий в большом проеме, проделанном в изношенном нанобетоне — и бесконечная легированная лента несет вас вниз и сквозь.

Или же, если вы новичок на Марсе, только что сошли с трапа челнока или помешались на ностальгии, — можно воспользоваться шумными туристическими вариантами и проехаться на гигантских старинных грузовых лифтах, стоящих на обоих концах канала. Сдвоенные платформы площадью в тысячу квадратных метров по-прежнему громоздко опускаются и поднимаются, прямо как дыхание в

медленных легких, плавные, как в день их введения в строй. Наслушаетесь безвкусных фальшивок, смахивающих на исторические и звучащих по кругу из динамиков, установленных вокруг перил. Мигают желтые предупредительные сигналы, все дела. Закопченное инженерное мастерство старого Высокого Рубежа, сохраненное до наших дней для вашего пресыщенного удовольствия.

В любом случае не важно, выберете вы грузовые платформы или бесконечно ползущую ленту эскалатора, ощущения все равно будут примерно одинаковыми. Вы медленно погружаетесь в чрево чего-то огромного и, скорее всего, опасного для вашего здоровья.

«Меня устраивает».

Я воспользовался эскалатором в конце Журавлиного переулка, тот высадил меня примерно в километре от места, где я хотел оказаться, — неблизкий путь с учетом колдовавших с погодой задротов. Когда я вышел из-под козырька туннеля, на улице, вопреки всем шансам, шел настоящий дождь, с которым пришлось считаться. Капли хлестали по лицу, пока я пробивался через толпу, намочили воротник. Лоб и тыльная сторона рук покрылись влагой — непривычное ощущение. Приятное, но, с другой стороны, я в принципе себя неплохо чувствовал.

«Три дня без сна и при деле».

Над моей головой за давно ставшими избыточными штормовыми щелями на верхних уровнях зданий разгорались первые огни, намекающие на таящиеся внутри зловещие тайны. Названия и логотипы клубов цеплялись к древней архитектуре, словно рой гигантских люминесцентных жуков и многоножек. На прохудившемся небе первые бранегели расправляли невидимые, сотканые словно из мыльных пузырей крылья. По их поверхности пробегали

серебристые россыпи помех, словно кто-то прочищал горло. Появились изображения, и началась долгая ночь видеосутенерства.

Я подумал, что с учетом прилетевшего этим утром челнока с Земли мы увидим какие-нибудь монтажи с визитами ультрапутешественников или стандартные ролики «Вектор Рэд» и «Хоркан Кумба Ультра». Но сегодня вечером парад возглавляла реклама призывателей дождя — мрачные, напряженные кадры, на которых упругие молодые тела скакали по ночным улицам под проливным дождем, такого в радиусе ближайших пятидесяти миллионов километров было не сыскать. Тонкая рваная темная одежда, что-то в стиле фавел, промокла насквозь, липнет к изгибам и наклонностям, окаймляет участки обнаженной и смоченной водой плоти, проступающие сквозь ткань соски возбужденно торчат. По отснятому материалу раз за разом пробежали рекламные слоганы:

ВЕРНОЕ ДЕЛО — НАМОКНИ, А ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ? СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ПО КОДИРОВАНИЮ ПРЕДОСТАВЛЕНО ВАМ «ПАРТИКЛ СЛЭМ» В ПАРТНЕРСТВЕ С КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВОЙ.

Да, КОЛИН наносит новый удар — вездесущие, всемогущие корпоративные акушерки человечества в космосе. Пару веков назад, когда они только начинали, их с полным основанием могли назвать кейрэцу¹ с особыми интересами. В наши дни с таким же успехом можно было прикрепить табличку «Ящерица» на тираннозавра-рекса. Масштаб

¹ *Кейрэцу* — в Японии — крупные финансово-промышленные группы, состоящие из тесно связанных друг с другом предприятий. (Здесь и далее — прим. пер.)

не тот. Если речь идет о чем-то, связанном с человеческим присутствием в какой-либо части Солнечной системы или же с межпланетными перевозками и торговлей, значит, КОЛИН этим либо владеет, либо управляет, ну в крайнем случае это спонсирует либо скоро начнет. Их поток капитала служит движущей силой человеческой экспансии. Их версия античной правовой структуры, теперь принятая на Земле, является всеобъемлющим каркасом, который поддерживает всю машину на плаву. А вот их предполагаемая динамика конкурентного рынка не более реальна и значима, чем танцующие под веселым и дружелюбным дождем стройные молодые люди, чьи позерские па транслировались на бранегелях.

Тем временем дождь — настоящий дождь здесь, в реальном мире — резко прекратился. Он испарился, выдержал долгую многозначительную паузу, а затем начался снова, медленно оплакивая все вокруг. Трудно понять, насколько хорошо работал новый код. Возможно, он запустил частичную подачу как часть энергосберегающего протокола, или дразнил эффекта ради, или просто адски глючил. По всему Бульвару выстроились экогики, пялясь в небо и споря друг с другом.

— Говорил же, они со всем разберутся. «Партикл Слэм» — надежная компания. Совсем из другого теста, чем парни с Девятой улицы. Ты почувствовал дождь на своем лице?

— Едва-едва. На мой взгляд, ничем не отличается от того дерьма, что обычно льется с неба.

— Ой, отвали. Обычное дерьмо сюда даже бы не добралось. Ты погляди — на мостовой уже лужи образуются.

Я проскользнул мимо спорщиков, стараясь не попасть в лужу и запоминая детали на потом. «Партикл Слэм» —

никогда о таких не слышал. Но после пробуждения к подобному я уже привык. Экокодирование — это быстро меняющийся рынок даже на Земле, а здесь, где нет тормозов и мягкая конкуренция нам только снится, царит такой естественный отбор, что можно устать от одной только мысли о нем. Здесь кодирующая компания может превратиться из следующего законодателя мод в древнюю окаменелость быстрее, чем вы успеете слетать до Земли и обратно.

Вывод для опустившихся бездельников, пытающихся заработать себе на жизнь: если ты умер для мира на целых четыре месяца, то многое мог упустить.

Но некоторые вещи никогда не меняются.

Каждый вечер Бульвар мерцает вялой жизнью, словно неисправная неоновая лампа. Он мигает, шипит и затихает, косо и постоянно мерцая над уличной сеткой старого квартала Брэдбери, словно загадочная ухмылка, словно сигнал, манящий нетерпеливых бабочек. Я видел его однажды с орбиты — дрейфовал в опорожненном взбунтовавшемся грузовом судне с Пояса, о котором предпочел бы поскорее позабыть. Нет ничего лучше, чем бродить по затихшим палубам и наблюдать за раскинувшимся под тобой Марсом. Мы гнались за линией терминатора через Ганг и Эос, а с наступлением ночи я смотрел, как приближается и кружится за иллюминатором Разлом. Нависшие стены рифтовой долины уходили вглубь марсианской коры на тысячи метров. Колоссальные груды и горы тектонических обломков пересекали огромное открытое дно между ними. Тут и там мерцали тусклые, сгрудившиеся огни поселений, они становились ярче и переплетались друг с другом по мере приближения к большому яркому пятну самого Брэдбери. И прямо там, в самом сердце старого города, протянулась эта большая изогнутая ухмылка длиной в три тысячи метров.

По всему городу корпоративные логотипы и рекламные панели КОЛИН озарили горизонт жидкокристаллическим пламенем, сдерживающим наступление чужеродной тьмы. Но против нее можно купить лишь определенную долю лояльности и принадлежности к бренду, и силы внутри вас знают об этом. Где-то в глубине души, там, где крутятся колесики человеческого механизма, заодно тикают часики, отсчитывающие эти зловещие цифры, словно карты в бесконечно проигрышном раскладе. И лишь вопрос времени, когда вы осознаете этот факт. И когда вы его осознаете, у вас волосы дыбом встанут.

Рано или поздно вы слетите с катушек и полетите на зов соблазнов Бульвара, как и все другие мотыльки.

Я, конечно, считал себя не таким.

Как и все мы.

Рядом с моим ухом послышался тонкий вой, за которым последовал неизбежный колющий укус. Я рассеянно хлопнул себя по шее — бессмысленный рефлекс на раздражение, кодовая муха уже исчезла, как и было задумано. Даже в стандартной земной гравитации эти маленькие ублюдки были намного быстрее обычных москитов из плоти и крови, у которых позаимствовали свою основу. Здесь же, приспособившись к местным условиям, они напоминали маленькие жалящие кусочки ртути на ветру. Прикосновение, укол, груз доставлен. Ты укушен.

Не то чтобы я жаловался. Если живешь здесь, то нужно, чтобы тебя кусали. Иначе не прожить. Это — Высокий Рубеж, детка, и ты — лишь небольшая часть гигантского непрерывного обновления под названием Человечество Высокого Рубежа.

Проблема в том, что после четырех месяцев за плотно загерметизированным люком пропускаешь столько

обновлений, что становишься мишенью для посторганических фасеток каждой кодовой мухи на районе. Три дня на улице — и ты уже похож на долбаную подушечку для булавок. Кожа в десятках разных мест зудит от доставочных проколов. Свежие газообменные турбины для легких, обновление мелатонина — версия 8.11.4, бустерные патчи для новейших — и самых ненадежных — ингибиторов остеогенеза, броня роговицы 9.1. И так далее.

За часть этого дерьма ты платишь сам, чтобы тебе устанавливали его, как только появятся очередные обновления. Еще часть КОЛИН дарит бесплатно, от щедрот своего маленького, ориентированного на эффективность сердечка. Но все должно быть сбалансировано, улучшено и оптимизировано для повышения производительности, а затем снова улучшено, версия за версией, обновление за обновлением, укус за укусом.

И так благая идея оборачивается зависимостью, от которой не получится избавиться до тех пор, пока живешь где-нибудь за пределами Земли.

Не то чтобы я жаловался.

* * *

«Девочки Долины» нашлись прямо там, где я оставил их четыре месяца назад. Все тот же потрепанный старый фасад сразу за выходом с эскалатора, ведущего с бульвара Фридмана, на пятиметровых дисплеях, установленных по обе стороны от входа, мелькают все те же старые, повторяющиеся соблазнительные кадры. Из спрятанных динамиков звучат все тот же неряшливый бэкбит «Фактроника» и что-то дозвуковое. Правый экран по-прежнему весь в трещинах. Они разбегались от вмятины, которая образовалась

в том месте, где меня в драке приложили головой. Похоже, с записью что-то не то — изображения танцовщиц продолжали крошиться в конфетти из прилизанной плоти и волос, пересыпанное подпрыгивающими, бестелесными глазами, окаймленными длинными ресницами, что парили, словно слезы в нулевой гравитации.

«Ты двигаешься слишком быстро, охладись. Где утечка давления?»

Слишком разгорячен».

Я быстро сбавил шаг до легкой походки зеваки. Ссутулился, засунул руки в карманы и натянул капюшон, защищаясь от то начинающегося, то прекращающегося дождя. Так смог без всякой спешки оглядеть вход в клуб. Разношерстная очередь из желающих попасть внутрь двигалась в ритме слышимой и неслышимой «Фактроники». Дверь подпирали двое туповатого вида качков, одетых по освященной временем манере, гарнитуры обычных темных оттенков. А над входом все так же висел все тот же древний и дико устаревший сканер службы Портового управления, он раскинул крылья в стороны, словно готовящаяся к взлету доисторическая летучая мышь. Скрыга Сэл Кироба себе не изменяет — где-то девять лет назад он купил этот сканер на распродаже списанной в утиль техники и то, говорят, надавил на кого-то в офисе Портового управления, чтобы ему скостили цену. «Влияние, — сказал он мне однажды, — вот ключ к этому месту. Если у тебя нет здесь влияния, можешь валить обратно на Землю».

Невеселый смех. Для большинства давних обитателей Разлома единственный способ хоть когда-нибудь вернуться на Землю — это обзавестись достаточно приличным влиянием. Если не брать в расчет лотерею «Полет домой» — «Пятьдесят счастливых победителей возвращаются